

Французский век Просвещения

**ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ
КАК ФИЛОСОФСКАЯ ИДЕЯ
ФРАНЦУЗСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ**

Т.Б. ДЛУГАЧ

Веку Просвещения не очень повезло в историко-философских исследованиях. Нет, конечно, признается, что Век Просвещения, XVIII век просвещал людей относительно того, что представляет собой человек, какие у него особенности и специфические свойства, конечно, признается, что Вольтер, Руссо и другие разработали наилучшие для своего времени модели общественного устройства и т.д. Но вот то, что касается обычных суждений о своей жизни, об отношениях соседей, отцов и детей, об организации своей работы, в том числе и суждений о включенных в личную жизнь представлениях о разных сторонах мироздания, то кажется, что здесь с философской точки зрения не было ничего интересного, что взгляды на жизнь общепризнанны, всем известны и даже банальны. Однако если вдуматься хорошенько в эту «банальность», то неожиданно обнаружится, что именно в ней скрыта специфическая философская особенность Века Просвещения, что именно за такими здоровыми суждениями вырисовывается самостоятельно формирующееся мнение возникающей автономной личности. Конечно, и в прежние времена по отношению к частной жизни существовала самостоятельность суждений, но именно XVIII век – это по преимуществу время рождения автономного, суверенного субъекта, у которого возникает способность самостоятельно решать вопросы и преодолевать трудности повседневной жизни. Это делается исходя из своих интересов, но при этом учитывая и интересы других, а именно так, чтобы повседневная жизнь протекала нормально и чтобы не возникали конфликты, способные потрясти ее основания. Именно эту самостоятельную способность суждения формирует Просвещение, и именно она на всех языках называется «здравым смыслом» (*le bon sens, common sens*). Так эту способность поняли и сами просветители; так восприняли ее и мы, и ей мы обязаны как раз Веку Просвещения.

Здравый смысл – это способность не разума, но рассудка, она не ведет к великим свершениям, не открывает тайны мироздания или эстетические красоты, и у большинства интеллектуалов она вызывает презрительное отношение и наименование «ума глупцов». Но зато

она помогает правильно организовать собственную жизнь, а без этого невозможны ни эстетические, ни научные достижения.

Человек, обладающий здравым смыслом, спокойно налаживает свой быт, оптимально организует работу, находит наилучшие выходы из жизненных тупиков. Отсутствие его оборачивается неприспособленностью к житейским ситуациям, ведет к коллизиям и даже к катастрофам. Опора не на чужое мнение, не на какие-либо самые высокие и уважаемые авторитеты, а на свой собственный ум, на свой собственный рассудок — вот важная черта здравого смысла, и именно ее как особую философскую интеллектуальную способность воспитывало просвещение. Она рождается вместе с суверенной, автономной личностью. По правде говоря, разум не существует без рассудка, и наоборот: разум без рассудка превращается в могучий, но анонимный Мировой Дух; он «беспочвен» по сравнению с рассудком, тогда как последний «бескрыл» по сравнению с первым. Здравый смысл — это индивидуальный ум каждого отдельного человека, ответственного за свои поступки и вообще за всю свою жизнь. Все эти его глубинные характеристики были разработаны и поняты просветителями, и в первую очередь французскими. В этом их философская особенность и философская заслуга. Как раз Иммануил Кант, считающий себя наследником Просвещения, впервые наиболее полно и ответственно определил эти особенности. В небольшой работе 1784 г. «Ответ на вопрос: что такое Просвещение» Кант определяет последнее прежде всего как способность выйти из состояния несовершеннолетия, а это значит — опереться на свой собственный ум «без руководства со стороны кого-либо другого». Это не означает, что нельзя пользоваться теми открытиями, которые сделали другие люди — это значит, что учитывать и принимать во внимание ты можешь абсолютно все, но опираться ты должен только на себя и решать все, исходя из своего убеждения. У каждого, считает Кант, есть для этого возможность, нет только мужества, поэтому девиз Просвещения, по Канту, должен звучать так: «Sapere aude» — имей мужество пользоваться своим умом.

Наиболее показательными в плане обоснования здравого смысла во французском Просвещении являются рассуждения Клода Адриана Гельвеция. Этот философ, прожив бурную жизнь, подвергался преследованиям и гонениям именно за свое «здравомыслие». В первую пору своей жизни он был обыкновенным сборщиком налогов, вел привольную и обеспеченную жизнь члена общества «золотой молодежи» в г. Канне. Но постепенно он стал задумываться о смысле своего существования, да еще под влиянием Вольтера обратил свои взоры в сторону философии. В 36 лет он решает переменить жизнь: он переезжает в Париж, он пишет книгу, он хочет стать философом! Первая его книга «Об уме» (*De l'esprit*, 1758) приносит ему не только извест-

ность, но и множество неприятностей: его обвиняют в материализме, меркантилизме, эгоизме и т.п. Сорбонна выдвигает целых 100 обвинений, архиепископ де Бомон и папа Римский Климент XIII, так же, как иезуитский журнал «Треву», дополняют их своими обвинениями. Гельвецию приходится принести три отречения от своей книги, да и после этого он боится за свою жизнь.

С точки зрения здравого смысла, если речь идет об обществе, разумно устранить противоречия между общественными и индивидуальными потребностями. Но иногда это противоречие устраняется настолько, что индивид вообще приносится в жертву. По мнению Гельвеция, напротив: если исходить из физической природы как основы бытия, то только индивидуальные требования должны приниматься за исходные. Гельвеций вообще может считаться основателем утилитаризма: первичное для него — это *интерес* индивида, причем в первую очередь *материальный* интерес, все другие — производны от него. «Интерес движет обществом» — вот кредо философа. Так же, как притяжение — закон физического мира, интерес — закон мира духовного (вообще — человеческого), и везде мы должны отыскивать личный интерес, тогда и объяснения наши будут верными. И кажется, что это совершенно разумно: все просветители как будто считают общество высшей инстанцией; но если исходить из оснований французской идеологии, общество — это совокупность индивидов, а природа человека имеет только физический характер. Главное — любовь к себе и стремление удовлетворить свои желания.

Любое желание, любое стремление человека Гельвеций старается объяснить на основе личного интереса. За личным интересом фактически скрывается личная *выгода*. «Личный интерес есть единственная и всеобщая мера достоинства человеческих поступков, каждый человек подчиняется только своему интересу»¹, — убеждает автор. Возьмем, например, такое чувство, как дружба. При обдумывании становится видно, что от друга требуют понимания, участия, совета, помощи и даже денег. Если друг небогат, то нужна помощь, совет; если друг богат, то и деньги. Если бы мы не требовали ничего от друга, мы не изводили бы его упреками — почему он к нам не приходит, почему не помогает. Ведь кто такой друг? Это избранный нами близкий человек, которому мы хотим излить душу, найти подтверждение своим поступкам, решениям о том, как выйти из затруднений и т.д. И если мы плачем об умершем друге, то фактически, как уверен Гельвеций, мы плачем не о нем, а о себе — о том, что нам не от кого будет получить помощь, поговорить о себе, найти подтверждение своим действиям. Если друг впадает в бедность, с ним перестают дружить? — задают вопрос философу, и он отвечает: «Да», и это так же естественно, как то, что перестают любить женщину, обезображенную болезнью, несмотря на то, что раньше ее любили искренне. От бедного друга ждут

личных услуг, от богатого — материальной помощи. Но везде — личный и утилитарный интерес.

В обществе стремятся к тем должностям, которые приносят выгоду, поэтому синица в руках лучше, чем журавль в небе. Да и в общество люди объединяются ради своего личного интереса; они понимают, что в одиночку не справятся с силами природы.

Интересно отношение Гельвеция к честности. Честности как таковой не существует; по его мысли, она — «платоническая химера». Существует желание поступать честно, если это приносит выгоду. Так, продавец вынужден поступать честно с покупателями, иначе они уйдут к другому продавцу. Каждый, говорит философ, называет честностью в другом лице только привычку к *выгодным* для него поступкам.

Таким образом, о добродетельных *вообще* людях следует говорить с некоторой насмешкой: в реальной жизни нет места нравственности как таковой.

Но высшая точка здравомыслящих рассуждений Гельвеция (которые уже близки парадоксальным выводам) — это утверждение о том, что если бы человек не получал материальной выгоды от своей работы, он бы вовсе не работал. В таком свете человек предстает не как трудящееся, а как отдыхающее и развлекающееся существо. Пахарь (или ремесленник), пишет он, трудятся только ради того, чтобы прокормить себя и свою семью, чтобы нарядить свою жену или любовницу, чтобы вкусно есть и сладко спать, любить красивых женщин и т.п. Но тут в спор вмешивается один из лучших друзей Гельвеция — Дени Дидро. Это утверждение не совсем верно по отношению к пахарю, говорит он, и уж совсем неверно по отношению к таким людям, как Ньютон или Лейбниц. Предложите Лейбницу, продолжает он, который провел 20 лет в халате, рассуждая о предустановленной гармонии, бросить свой Трактат в огонь, пообещав ему за это самых красивых женщин, самые вкусные яства, — и вы увидите, что он откажется. Материальная или физическая выгода его не интересует. И Дидро признается, что сам он часто бывает готов предпочесть физические страдания малейшему неудовольствию от самого себя. В дальнейшем выясняется, что есть такие сферы в жизни общества, где материальная выгода не действует или почти не действует — это сфера нравственности, сфера искусства. Что касается первой, то она, напротив, приносит, скорее, убытки. Какую выгоду получает, например, человек, спасая тонущего чужого ребенка? Так что не все в мире исчисляется материальной выгодой. Но Гельвеций прав в том — и он доказывает это четко, — что есть такая область человеческой деятельности, которая вовсе не работает без материальных стимулов: это сфера собственно материального производства. И здесь Гельвеций был и правым, и одним из первых. Можно заставить человека отказаться от материальной выгоды в

кризисных условиях, в ситуации войны, но нельзя — навсегда, так как человек, действительно, природное существо, за его потребностями стоит сама природа, а от нее отказаться нельзя. В признании этого Гельвеций был одним из первых, но он не учел, что человек — не только природное, он еще и культурное существо, и его желания выходят за границы физических ощущений, однако для большинства просветителей, особенно французских, само понятие природного было тождественно ощущаемому: природа — это физическая чувствительность. Поэтому на первый план человеческой жизни и выдвигаются те чувства и ощущения, которые связаны с чувствами самосохранения, себялюбия, физического удовольствия; поэтому и любовью следует считать не платоническое родство душ, а физическое влечение; поэтому и стремление к власти сильнее по отношению к своему, пусть даже маленькому народу — здесь легче получить физические награды и удовольствия. Итак, люди желают быть уважаемыми не из-за высокой оценки самого уважения и не из-за желания повластвовать, а только ради того, чтобы получать физические награды. «Желая обмануть людей, — пишет в связи с этим Гельвеций, — преувеличивают силу чувства и дружбы, общительность рассматривают как *любовь* или как *врожденное* начало. Неужели можно искренне забыть, что существует только одно такое начало — физическая чувствительность?»² И общественный договор также заключается в конечном счете из любви к себе.

Правда, есть во французском Просвещении один человек, который считал двигателем общественной жизни не ощущения, а... чувства, хотя он также исходил из здравого смысла и также защищал его. Этот человек — Жан-Жак Руссо. Его взгляды вообще во многом противостоят взглядам других просветителей: как известно, он отрицал научные и эстетические достижения и призывал вернуться к естественной, простой (не затронутой технической цивилизацией) природе. Назад, к «золотому веку», взывал он, хотя и понимал, что это невозможно, что человечество должно двигаться вперед к гражданскому обществу с частной собственностью, и что не только любовь к себе, но и любовь к другим людям, чувства сострадания, жалости, милосердия лежат в основе отношений людей. Не просто физиологические влечения, но *чувства* определяют жизнь человека. Поэтому по отношению и к нравственности, да и к религии, у Руссо совсем иные представления, чем у Гельвеция. Честность, скорее, дочь невежества, чем образования, настаивает он; у простых крестьян можно найти больше нравственных поступков, нежели у образованных вельмож. Мы не будем останавливаться на этих, всем известных доводах, а сосредоточимся на доводах здравого смысла у Руссо, хотя, казалось бы, Руссо со своим гражданским пафосом, со своей теорией общественного договора далек от приземленных положений здравого смысла. Но на самом

деле это не так. Не только в «Эмиле», но и в первом своем романе, в «Новой Элоизе», как это ни парадоксально, отстаивает он суждения здравого смысла.

Парадоксальность заключается здесь в том, что, воспевая чистые природные чувства, например, любовь, он все же ставит выше их домашние хозяйственные радости, чувства хозяйки дома и матери семейства. Наверное, всем известен достаточно простой сюжет этого романа (о котором с пренебрежением отозвался один только Вольтер): любовь знатной дамы Юлии к своему воспитателю Сен-Прё приводит их к разлуке, затем к новой встрече. Юлия выходит замуж за знатного маркиза, но продолжает любить своего воспитателя, и вот в ее рассуждениях по поводу любви и брака скрыты как раз основы здравого смысла.

«Новая Элоиза» была написана в 1761 г. и привлекла к себе восхищенное внимание всех парижан. Маркизы, читая ее, забывали о балах, белошвейки — о работе. Причины такого огромного успеха (Руссо за роман было пожаловано швейцарское гражданство) было воспевание чувства любви как естественного и благородного чувства. Прежнее аристократически-салонное понимание чувства любви было далеко от «естественности»; оно покоилось, скорее, на «салонных образах» — возвышенной, благородной любви. И вдруг появляется роман Руссо, в котором любовь изображается как чувство, доступное всем людям, естественное чувство, которого не надо стыдиться, которое уравнивает всех людей. Казалось бы, при таких взглядах Юлия должна быть склонна убежать с Сен-Прё, нежели выйти замуж за нелюбимого. Но Юлия не только не поступает так, но еще и оправдывает свое поведение. Она пишет Сен-Прё (ибо переписка продолжается), что она едва не упала в обморок, войдя в церковь для совершения брачного обряда. Но чувство матери семейства, хозяйки дома поддержало ее; она почувствовала возвышенную гордость за свои будущие обязанности. Не просто любить, но служить обществу, воспитывать детей, укреплять семью как ячейку общественного организма. Таким образом, Руссо признает общественно-моральные нормы более высокими, чем природно-чувствительные мерки. Он отнимает добродетель у природы и передает ее обществу. И эти чувства выражены в письме, написанном Юлией своему возлюбленному: «Мысль о том, что для счастливого супружества нужна любовь, долгое время вводила меня в заблуждение, а вас, пожалуй, обманывает и поныне. Друг мой, это ошибка: порядочности, добродетели, некоторого соответствия не столько состояния и возраста, сколько души и нрава, — достаточно для супругов... Любовь сопровождают вечные муки ревности или нужды, неподобающие для брачного союза, который дарует блаженство и покой. Женятся не для того, чтобы думать друг о друге, но для того, чтобы совместно выполнять обязанности, налагаемые жизнью

общества, умело и разумно вести хозяйство, хорошо воспитывать детей. Влюбленные думают только друг о друге, непрестанно заняты лишь собою и умеют только любить. Супруги должны выполнять столько обязанностей, что этого недостаточно»³.

В «Эмиле» Руссо продолжает развивать суждения здравого смысла. Большая роль принадлежит предисловию, в котором Руссо высказывает собственные здравые мысли о самом начальном воспитании ребенка, о его кормлении, его играх, его отношениях с родителями.

Забегая вперед, надо сказать, что «Эмиль», названный Руссо также «воспитательным» романом и написанный спустя год после «Новой Элоизы», завоевал, в отличие от нее печальную известность. Здесь было много таких утверждений, которые вызвали гнев властей и священнослужителей. Это были идеи о равенстве всех людей и всех детей, вследствие чего их воспитание должно было быть одинаковым; это были особые мысли о религии, никак не совпадавшие с каноническими. Вследствие этого Руссо лишился покровительства швейцарских властей и был изгнан из Швейцарии. Но роман оказал огромное влияние на последователей Руссо, в частности, на швейцарского воспитателя Песталоцци, на Гёте, на Л. Толстого. Толстой в своем дневнике вообще писал, что ему кажется, будто некоторые страницы «Эмиля» написал он сам. Мы не будем рассматривать злключения Руссо после написания «Эмиля», а попробуем оценить его здравые мысли о домашней, частной жизни в новых условиях. Прежде всего — это воспитание самостоятельности мышления у воспитанника. Рождается третье сословие, оно постепенно захватывает всех жителей, изгоняя из общества рыцарей, феодалов, помещиков. Новая личность — это как раз та личность, которая опирается на себя, на свой собственный ум. Но Руссо не был бы просветителем, если бы не нуждался в воспитателе, который этот здравый ум воспитывает. Двуединство самостоятельности и воспитанности — особая черта Просвещения, и она очень хорошо видна именно в «Эмиле». В нем же очень хорошо виден и новый способ мышления — здравомыслие. Собственно, весь «Эмиль» это восхваление здравого смысла во всех областях частной, домашней жизни.

Исходная мысль Руссо — и она настолько же здравая для новых условий, насколько и новая идеологически: все люди равны, все дети равны и поэтому воспитывать их надо одинаково. Не прежние рыцарские доблести — умение драться на шпагах, танцевать, куртуазно общаться, — нет, трудиться, чтобы труд стал основанием жизни индивида. И это — труд вовсе не машинный, не на фабриках или заводах, это труд ремесленный, который дает новому индивиду все необходимое, превращая его в самостоятельную личность. Руссо уже уверен, что золотого прошлого не вернуть, но он не хочет двигаться к промышленности. Ремесленное настоящее, ремесленный труд — его

идеал. Вследствие этого ученичество, обучение совмещается с полезным трудом — это не тяжелый, не обременительный труд — для детей это сбор яблок и других фруктов, посев на грядках. Позже труд будет признаваться более производительным и осмысленным.

Обучение также не слишком утомительно, и Руссо исходит в этом, опять-таки ориентируясь на докапиталистическую жизнь. В своей домашней жизни индивид нуждается в умении правильно считать — что ему необходимо для ведения хозяйства, немного читать, иметь некоторое, но не слишком ученое, представление об окружающей природе, о мироздании. Сочетание приятного с полезным в труде и учении — важное здоровое требование новых реалий. Обучать надо не мертвым языкам, которые были в ходу в прежних Салонах, а родному языку и родным обычаям. Обучение должно вестись не в закрытых школах и пансионах, а на природе, в деревне, ибо города — это «пучина рода человеческого», где коренятся язвы и пороки человечества.

На природе, в деревне рядом с Эмилем живут соседи, и одно из правил здравого смысла, которому его учит воспитатель — это стремление жить без конфликтов. Надо уважать других, сочетать свои желания с их стремлениями. Так, на примере работы садовника воспитатель учит Эмиля уважать право первого захвата собственности — ведь с ним уже соединился труд захватившего его человека, так что новый захват будет несправедливым. Так, выкопав тыквы, которые посеял сосед, Эмиль рискнул и своими бобами. Первый всегда прав. Для Руссо лучшим видом трудовой деятельности является, конечно, земледелие, первый и основной источник жизни. Но Руссо понимает, что земельная собственность уже вся разобрана, на нее нельзя ориентироваться как на основу. Поэтому в качестве основного он предлагает другой труд, ремесленный труд — труд столяра. Он чистый, аккуратный, им можно заниматься дома, и он приносит прибыль. В утверждении того, что именно ремесло делает человека независимым — одно из специфических отличий концепции Руссо. Ни творчество ученого, ни талант художника не привлекают его внимания. Конечно, он признает и то, и другое, но в ограниченном объеме.

Как видим, требования здравого смысла — вполне умеренные; культура отодвигается на дальний план; книги не принадлежат к самым необходимым элементам воспитания. «Я ненавижу книги, — пишет Руссо, — они лишь учат говорить о том, чего не знаешь... Если уж непременно нужны книги, то существует книга, которая содержит, по моему мнению, самый удачный трактат о естественном воспитании. Эта книга будет первою, которую прочтет Эмиль; она одна будет долго составлять всю его библиотеку и навсегда займет в ней почтенное место... Что же это за чудесная книга? Не Аристотель, не Плиний, не Бюффон ли? Нет, это «Робинзон Крузо»⁴. По мере того, как воспитанник вырастает, требования здравого смысла становятся

более обязательными: надо жить в мире со всеми соседями, своими действиями нельзя наносить им урон, надо находиться в неконфликтных отношениях с родственниками, трудовая деятельность не должна мешать труду других людей. Здесь встает такой вопрос: гражданин, согласно более поздним принципам руссоистского общественного союза, должен быть трибуном, борцом за лучшую организацию общества; он должен бороться за лучшее будущее, за благополучие всех граждан. Но ничего этого нет: Эмиль ведет жизнь простого обывателя рядом с другими обывателями. Для Руссо это самое важное, и даже можно сказать, что ответ на вопрос: как надо организовать общество, чтобы никто не вмешивался в частную жизнь, чтобы индивид сам распоряжался ею и отвечал за нее, будет такой: надо заключить общественный договор. Общественный договор выступает как своего рода категорический императив здравого смысла.

Итак, здравый смысл – принцип выживания индивида в обществе, спокойного выживания и спокойного общения людей, вместе с их индивидуальными планами и устремлениями.

Но Руссо предоставляет нам еще и другие примеры торжества, как он полагает, здравого смысла, развивая идеи, которые были высказаны им в «Новой Элоизе». Вот Эмиль вырастает, он объездил со своим воспитателем некоторые страны, чтобы посмотреть на действие общественного договора в разных условиях. Но теперь ему нужна семья. Очевидно, что, идеализируя «естественное» человеческое состояние, Руссо идеализирует и наиболее простую общественную и в то же время естественную ячейку – семью. Отношения внутри нее также подчиняются здравому смыслу. Жена Эмиля Софья должна быть ему подстать; она должна быть уживчивой в быту, хорошей хозяйкой, обладающей спокойным и жизнерадостным характером. Она должна быть доброй и любящей матерью. Простая и безыскусная, как Эмиль, Софья не слишком образованна (т.е. образована в тех же небольших пределах, что и Эмиль) и не слишком умна. Она будет ученицей своего мужа, но не его учительницей. «Воспитание ее не блестящее, но и не небрежное; она без учения обладает вкусом, без искусства – талантами, без познаний – рассудком. Ум ее не имеет сведений, но он настолько развит, что она может учиться; это хорошо подготовленная почва, которая только ждет семени, чтобы принести плод. Она не читала ни одной книги, кроме Баррема (французского математика. – Т. Д.) и «Телемаха», случайно попавшего ей в руки... «О милое невежество! Счастлив тот, кому предназначено просвещать его! Она будет не профессором своего мужа, но учеником его; она не только не хочет подчинить его своим вкусам, но переймет его вкус»⁵. И в физическом отношении она не нечто выдающееся, а нечто среднее: она не красавица, но симпатична, не блестящая, но приятная в общении и т.п.

Можно видеть, что в отношениях Эмиля и Софьи выражен идеал самого Руссо, много лет прожившего со своей подругой Терезой. Спокойная жизнь — и никаких бурных страстей. Речь идет не столько о любви, сколько о привязанности и прочном спокойствии. Руссо здесь вновь высказывает требования здравого смысла (дошедшие и до нас), потому что семья — это один из оплотов частной жизни, а именно в ней и распоряжается здравый смысл. Если и можно говорить здесь о любви, то не о страстной и бурной, а о спокойной любви — симпатии. Надо, далее, чтобы муж и жена были из одного сословия, так как при этом у них будет примерно одинаковое отношение к жизни, одинаковые требования. Руссо употребляет здесь слово «благоразумие», смысл которого близко «здравомыслию». Благоразумная мать учит детей помогать по хозяйству, блюсти мир в семье, показывать примеры скромности и добродетели. «Матери! Сделайтесь, по крайней мере, подругами дочерей ваших. Наделите их здравым смыслом и честною душою»⁶, — именно это — основа нормальной семейной жизни.

Надо сказать, что такие же взгляды на отношения мужчины и женщины в семье были у Л.Н. Толстого. Недаром он признавался, что ему кажется, будто некоторые страницы «Эмиля» написал он сам. Такой женой он делает свою героиню Наташу Ростову; такими же принципами он руководствовался в своей частной жизни. Так что мы видим все значение здравого смысла для личной жизни.

Еще один французский просветитель разрабатывал принципы здравого смысла, точнее говоря, его предпосылки — это П. Гольбах. Речь идет о тех выводах из научных открытий, которые можно распространять на социум и которые позволяют индивидам ориентироваться в своей жизни. В обыденном сознании большинства грамотных людей того времени появлялась такая картинка: благодаря открытиям механики природа представляла как огромное скопление мельчайших материальных частиц, движущихся, соединяющихся и разъединяющихся. То же представлялось верным и для общества. Такая картина как будто существовала и до Гольбаха. И все же это не так. Именно Гольбах создает эту *первую*, понятную абсолютно всем, общедоступную картину движения материальных частиц. Он начал с осмысления «начал» теоретического знания, «начал» науки и перешел к «началам» мышления и бытия, а затем к «началам» человеческой жизни. Причиной такого переворота была установка на здравый смысл. Мышление превратилось в здравый смысл, а бытие — в понятную всем частную жизнь.

У Поля Гольбаха было много заслуг перед философией, в том числе и тех, которые помогли ему в разработке основных принципов здравого смысла. Во-первых, он хорошо ориентировался в научных открытиях; в то время сделать это могли только два человека — Дидро и Гольбах. Кроме того, у Гольбаха была редкая способность делать сложное про-

стым, непонятное — понятным и таким образом превращать научные открытия в доступные всем и пригодные для объяснения своей жизни утверждения. Так, разработанные еще Декартом представления о способности механических частиц, из которых состоит вся вселенная, к самостоятельным движениям транспонировались Гольбахом на человеческое общество и позволяли представить жизнь людей в виде действий самостоятельных и автономных индивидов. Притяжение и отталкивание в качестве основных принципов мироздания превращались в симпатию и антипатию в человеческом обществе.

Если прежнее феодальное хозяйствование было натуральным, и способы производства разных вещей основывались на индивидуальных рецептах умения, то с появлением товарного рыночного хозяйства возникло требование найти некую матрицу, по которой можно было бы производить массу однотипных товаров. Такой матрицей, таким инвариантом стали научные законы, гарантирующие исполнение всеобщих, а не индивидуальных заказов. Наука — механика — выдвигается на первый план духовного собственно теоретического производства, а философия ориентируется на нее как на тот теоретико-познавательный материал, методы развития которого она должна раскрыть. Познающий, теоретический разум рассматривается в качестве главной и даже единственной формы разумения (эстетика, этика и прочее до поры — до времени выталкиваются на обочину интеллектуальной деятельности), и именно в установке на нее должна, как считается, складываться философская логика. В данной ситуации физическое строение предметов начинает выступать в качестве всеобщей структуры природы, а метод физического анализа — как всеобщий универсальный философский метод исследования. Но нельзя думать, что Гольбах просто перенес определения физики в философию — для этого надо было прежде решить вопрос о субстанции. И Гольбах не просто заимствовал принципы движения материальных частиц из лежащих на поверхности обыденных взглядов — они еще не сложились. Его задача была гораздо труднее: он должен был сначала осмыслить открытия, сделанные в механике, затем определить их значение в плане философского обоснования начал мышления и бытия и, наконец, превратить механицизм во всеобщий универсальный метод изучения природы и общества. Собственно, он был одним из первых философов XVIII в., установивших такое тесное взаимодействие между новой наукой и новой философией: он был одним из первых эрудитов и философов, сделавших механические свойства всеобщими (хотя и лежащими на первом уровне изучения) характеристиками субстанции. Гольбах не был популяризатором, он был первооткрывателем.

В отличие от Ньютона Гольбах не включил Бога в свою систему природы; природа движется сама по себе, и все законы присущи ей как таковой.

Надо сказать, далее, что именно Гольбах дал такие определения материи и движения, которые вошли в «золотой фонд» материализма: определение движения как способа бытия материи и самой материи как объективной реальности, доступной нам через ощущения. В его рассуждениях о природе и обществе складывались основы здравого смысла.

Находясь в границах механицизма, Гольбах не мог открыть активности мышления, но в тот период это было не столько отрицательным, сколько своеобразным моментом. Не случайно основным способом взаимодействия материальных частиц для него остаются притяжение и отталкивание, благодаря которым осуществляются различные сочетания и разъединения, образуя все предметы природы.

Во всех своих проявлениях человек признается существом, подчиненным законам природы, т.е. законам механики. Все, что он делает и что он собой представляет, — следствия силы инерции и тяготения. Интеллектуальные и нравственные явления объясняются также, исходя из механического движения и его закономерностей, т.е. на основе сочетания и разъединения частиц. Особенность живого еще не выявлена. Из механики же объясняется и деятельность мозга. «Специфическим» сочетанием атомов — хотя Гольбах употребляет эти слова (что такое — специфика — еще непонятно) — объяснены все живые и интеллектуальные процессы. Тем же соединением и разъединением материальных частиц Гольбах описывает и темперамент, и состояния тела, и нравственность. Подобные объяснения постепенно становились привычными и общепринятыми.

Надо сказать, что и сегодня для не слишком грамотных людей такие истолкования кажутся нормальными и приемлемыми. Вообще именно воззрения XVIII в. и сегодня выглядят во многом верными, и это не случайно, так как именно этот век стал веком здравого смысла, и в плане здравомыслия вполне нам подходит.

Гольбаха часто обвиняли в том, что его выводы о природе и ее законах, о человеческом обществе и путях его развития банальны, общеприняты и потому неинтересны. На самом деле это совсем не так: во времена Гольбаха законы Ньютона и новое учение о человеке как естественном существе не приобрели еще общезначимого характера.

Постепенно утверждалась самостоятельность мышления, и это было важно: ведь если каждый человек претендует на то, чтобы быть самостоятельным, т.е. отвечать за все происходящее в его жизни в полном объеме, то он должен уметь рассуждать в том числе и о тех научных достижениях, которые вошли в повседневную жизнь. Для этого у каждого (как думал еще Кант) хватает собственного ума, однако существует все же некоторая особенность, касающаяся усвоения научных данных простыми смертными. Во-первых, речь идет не о специальных теоретических исследованиях, поэтому в применении к здравому смыслу наука должна предстать главным образом, в своих

результатах, как некий учебник. Во-вторых, вследствие этого она должна выступить как освобожденная от проблем и содержательных противоречий, т.е. как совокупность бесспорных фактов. В-третьих, надо было сделать такое изложение приятным непрофессиональному уму, т.е. доступным здравому рассудку.

Для того чтобы осуществить все это, чтобы представить достаточно сложные результаты развития науки в форме общепонятных, как бы «само собой разумеющихся сведений», надо было обладать умом, эрудицией и, что может быть еще важнее, умением переводить трудный язык науки на простой язык здравого смысла. Все это и сделал Гольбах. Конечно, в процессе такого «перевода» происходит значительное упрощение ситуации, но такова цена общедоступности. Ведь в обыденной жизни мнениями обмениваются вовсе не профессионалы, а простые люди, которые, не будучи специалистами, тем не менее рассуждают обо всем — не только о научных открытиях, но и об успехах искусства, о политических реалиях, о наилучшей организации хозяйства — обо всем том, что входит в повседневную жизнь. Каждый имеет на это право, ибо иначе не было бы не только взаимопонимания, но и вообще никакой совместной жизни. Каждый имеет возможность для самостоятельного суждения, ибо в противном случае не существовало бы независимых индивидов, а также гетерогенного общества.

И это — основы суждений здравого смысла, потому что наука входит в частную жизнь в форме понятий о «естественном» человеке и его свойствах, о взаимодействии человека и природы, в виде обыденных суждений. Те взгляды, которые пропагандировал Гольбах — об инерции, о взаимодействии сил и т.п. — сейчас общепризнанны, они стали суждениями здравого смысла и в этом как раз его огромная заслуга.

При истолковании природы Гольбах исходит, конечно, из спинозовского антиномического определения, но согласно требованиям здравого смысла — ибо на самом деле цель просветителей — сформировать эту рассудочную человеческую способность — он упрощает это определение, лишает его антиномичности, многоплановости. В этом и плюс, и минус рассуждений Гольбаха. Минус — в упрощенности, плюс — в общедоступности, в здравомыслии. Инерция, превращенная в самостоятельное движение индивидов, механическая независимость отдельных молекул, превращенная в автономию действий людей, притяжение и отталкивание, перешедшие в симпатию — антипатию — так ткет Гольбах предпосылки здравого смысла. Так он участвует в формировании нового исторического субъекта и его мышления.

Именно по его следам идут и Ж.-Ж.Руссо, и Гельвеций. И мы сегодня в полной мере — наследники этой неустрашимой способности граждан демократического общества, которой мы не имели бы без них. Формирование этой способности было делом очень нелегким. Это был своего рода культурный подвиг философов — просветителей, порывающих с

прежними средневековыми традициями иерархических оценок личности и ориентирующихся на нового субъекта, который опирается на собственный ум. Дело касалось, с одной стороны, здравого подхода к житейским делам, а с другой, формирования более широкой интеллектуальной способности каждого человека судить обо всем — о произведениях искусства, о научных открытиях, о медицинских изобретениях, о природе, о погоде и т.п. Подобные суждения были совершенно не свойственны средневековому человеку, когда каждый судил только о том, что ему полагалось знать и уметь, и в очень узком объеме — об остальном. Формирование способности суждения вообще и его важной составляющей — здравого смысла — было настоящим интеллектуальным скачком в новую сферу умственной деятельности, которым мы обязаны прежде всего французским просветителям.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гельвеций К.А. Соч. В 2 т. Т. 1. — М., 1974. С. 187.
- ² Гельвеций К.А. Соч. В 2 т. Т. 2. — М., 1974. С. 961.
- ³ Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза // Руссо Ж.-Ж. Избр. соч. В 3 т. Т. 2. — М., 1961. С. 313.
- ⁴ Там же. С. 213.
- ⁵ Руссо Ж.-Ж. Эмиль. — URL:<http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/lukov-francuzskaya-literatura-xviii/emil-ili-o-vozpitanii-russo.htm> С. 502 — 503.
- ⁶ Там же. С. 474.

REFERENCES

- Helvétius C.A. *De l'esprit*. In: Helvétius C.A. Works. 2 volumes. Moscow, 1974 (trans. into Russian).
- Rousseau J.-J. *Émile ou De l'éducation*. Available at: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/lukov-francuzskaya-literatura-xviii/emil-ili-o-vozpitanii-russo.htm>
- Rousseau J.-J. *Julie ou la Nouvelle Héloïse*. In: Rousseau J.-J. Selected Works. 3 volumes. Vol. 2. Moscow, 1961 (trans. into Russian).

Аннотация

В статье показано, что среди интеллектуальных человеческих способностей существуют такая способность, как здравый смысл, характеризующий частную жизнь. Он не является ни теоретическим познанием, ни нравственным свершением; не ведет ни к подвигам, ни к свершениям, но без него невозможна нормальная частная жизнь, где происходят открытия и подвиги. Эту способность развивали все просветители XVIII века, прежде всего французские. В этом состоит их философская особенность.

Ключевые слова: здравый смысл, рассудок, просветители, личная выгода, частная жизнь, интерес.

Summary

The article analyzes one of most important mental abilities called “common sense” which is related to the judgements about precrate life. It isn't neither a theoretical knowledge, nor the moral decision; it conduct neither to the feats, nor to the fulfill meets, but without common sens an ordinal præerate life is impossible. This ability was studied by the philosophers of the XVIII century, mostly in France.

Keywords: Enlightenment, private life, personal benefits, human interests.